

Предисловие «Полки»

*Суеверный учитель-садист, барышня,
переодетая гимназистом, и серая недотыкомка:
на фоне мрака русской провинции 1900-х Сологуб
разворачивает историю боли, наслаждения,
безумия и красоты.*

Александр Соболев

История умопомешательства гимназического преподавателя изящной словесности Ардальона Борисовича Передонова, описанная в подробностях почти медицинских — от навязчивых идей, эротомании, садизма через нарастание галлюцинаций к убийству и полному распаду личности. Главная линия выписана на фоне впечатляющей панорамы неназванного провинциального города с тяжелыми картинами угрюмого быта, выразительными сценами общественной жизни и яркими портретами соотечественников. Истинный же смысл книги, по обычаю модернистской прозы, простирается далеко за рамки формальной фабулы: это роман о человеческих страстях, боли и наслаждении, поруганной и торжествующей красоте, демонах и оборотнях, заговорах и ядовитых травах.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

«Мелкий бес» был задуман в самом начале 1890-х годов, когда Сологуб, как и его герой, служил учителем в гимназии Великих Лук; более того, в роман включены в несколько измененном виде некоторые эпизоды из его преподавательской практики и карикатурные портреты коллег; существовал в действительности и прототип Передонова. Работа над текстом продолжалась до появления первых глав в печати (1905) и даже позже, до отдельного книжного издания (1907); дальнейшие изменения носили лишь косметический характер.

Начинал Сологуб свои работы над крупными вещами всегда одинаково — с заполнения карточек размером чуть меньше библиографических (ровно так же — не зная этого — будет несколько десятилетий спустя писать Набоков). На карточках записывались отдельные эпизоды, фрагменты диалогов, некоторые удачные фразы, топонимы и афоризмы. Отдельное место в подготовительных материалах к «Мелкому бесу» занимают выписки из ботанических справочников с названиями и характеристиками растений. На рубеже веков была окончена первая, черновая редакция романа (на рукописи проставлена дата: 19 июня 1902 года).

Предварительная инструкция к чтению романа дается в первом же его абзаце: нарисовав в нескольких кратких фразах благостную сцену из городской жизни, автор подытоживает ее репликой: «Но все это только казалось». В дальнейшем повествовании шаткость незыблемых внешне явлений и предметов будет устойчиво демонстрироваться от главы к главе, причем сущее будет туманиться не только в больном воображении Передонова, но и в здравом сознании читателя. При этом «Мелкий бес», как и любое значительное произведение, готов к диалогу с каждым: простодушный современник видел в нем острую сатиру на гимназическую косность и реакционную природу министерства просвещения, искушенный декадент прочитывал там откровенную проповедь имморализма в ницшеанском изводе, а нынешний специалист по гендерным исследованиям

легко обнаружит в тексте приметы эротической утопии — и все они будут абсолютно правы.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

«Мелкий бес» завершает классическую русскую прозу, а его главный герой — нежизнеспособная помесь Печорина с Акакием Акакиевичем, так что говорить о точечных влияниях на него не просто. Исследователи весьма убедительно находят в тексте следы чтения Эмиля Золя, Жорис-Карла Гюисманса, Оскара Уайльда и других — но этот список принципиально открыт и явно может быть продолжен. В свое время в газетах активно муссировалось обнаруженное

непримиримым к модернистам критиком Редько заимствование, сделанное Сологубом из — не второстепенного даже, а третьестепенного — писателя Викторьена дю Соссе. Сологуб комментировал это вполне невозмутимо: «Я когда что-нибудь воровал — никогда печатно не указывал источников. То есть не делал примечаний такого рода: украдено — у того-то. И забавно, что меня не могли уличить в плагиате. Только один раз уличили». При этом роман насквозь литературоцентричен: в нем, как в «Пиковой даме», оживают карты, как в «Братьях Карамазовых», кусаются мальчики, как в «Гамлете», соглядательная убивают за обоями — и так далее. Особняком стоит череда сюжетных и текстуальных переключений с романом

Мстислав Добужинский. Матятин переулоч. 1900-е годы.
В этом петербургском переулке провел детство Федор Сологуб

Достоевского «Бесы». Чтобы обезоружить потенциального зоила*¹, один из важных источников — чеховский «Человек в футляре» — назван прямо в тексте; его обсуждает «светская барышня» Адаменко (один из немногих условно положительных героев) и ближайший друг Передонова Володин, которому предстоит быть убитым в финале.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

К моменту, когда роман был закончен, главный журнал ранних символистов «Северный вестник», где Сологуба охотно привечали и печатали, уже закрылся. Попытки поместить «Мелкого беса» в одном из многочисленных толстых журналов либерального направления были тщетны («Образование» отвергло; «Наблюдатель» не отвечал). Мотивировки отказа нам неизвестны — было ли дело в своеобразии творческой манеры или в рассыпанных по тексту многочисленных шпильках, чувствительных для народнического сердца: так, Передонов держит на видном месте собрание сочинение Писарева, чтобы подчеркнуть широту взглядов; ссылает портрет Пушкина в отхожее место за то, что тот был камер-юнкером, а на его место вешает изображение Мицкевича, etc. В 1903-м или 1904 году Сологуб предлагал роман своим литературным союзникам и близким друзьям Мережковскому и Гиппиус для их свежесозданного журнала «Новый

Федор Сологуб с женой Анастасией
Чеботаревской. Начало XX века

путь», но, убоившись цензуры (которая читала журнал с удвоенной придирчивостью) и не располагая достаточными средствами, чтобы выплатить запрошенный автором гонорар, они его отвергли. По странной иронии судьбы первые главы «Мелкого беса» были напечатаны практически в том же «Новом пути», когда он, перейдя в другие руки, сменил название и сделался «Вопросами жизни» — но до конца эта публикация доведена не была из-за преждевременного закрытия журнала. В 1904 и 1906 годах Сологуб последовательно обращался в три главных символистских книгоиздательства — «Скорпион», «Гриф» и «Золотое руно» — и отовсюду получал отказы.

---

*¹ Зоил (около 400–320 годов до нашей эры) — древнегреческий философ, оратор. Прославился неотступными нападками на Гомера. Его имя стало нарицательным, означает завистливого, желчного и мелочного критика.

В результате отдельное издание появилось лишь в 1907 году под маркой литературно-аполитичного «Шиповника» — и мгновенно сделалось бестселлером.

Отдельную трудность на пути к читателю составляли отброшенные позже главы, в которых описывался визит в город столичных знаменитостей — писателей Сергея Тургенева и Шарика. В них без труда узнавались входящий в славу Максим Горький и его приятель и литературный союзник поэт Скиталец. Ссориться с крайне влиятельным Горьким в журнальном мире мало кто мог бы рискнуть — так что по этим или по иным соображениям вся эта сюжетная линия была изъята из романа. Соответствующие главы Сологуб опубликовал только в 1912 году, когда его собственному положению в литературе уже ничего не угрожало. Горький немедленно ответил грубоватой сказкой, в которой изобразил Сологуба и его жену Анастасию Чеботаревскую под именем поэта Смертяшкина и Нимфодоры Завалашкиной.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Многие лица, биографически близкие автору, были знакомы с романом задолго до его публикации: Сологуб охотно давал рукопись романа, а после безвременного окончания «Вопросов жизни» читал главы, не вошедшие в состав журнальной публикации, на своих литературных суаре. Общий тон отзывов литераторов ближнего круга был весьма благожелательным — известны положительные рецензии Лидии Зиновьевой-Аннибал и Георгия Чулкова. Впрочем, в рецензии заведомо дружественного журнала «Весы» сквозило некоторое

недоумение (за что редакция вынуждена была извиняться перед патологически обидчивым автором): «Мелкий Бес г. Сологуба, в смысле проявления его в жизни масс, вышел бледен и мало заметен. Попытки автора пропустить сноп рентгеновских лучей в темные дебри отдельных мертвых душ подобны мимолетным, случайным психологическим экскурсиям, как случайны и мимолетны посещения уездного “олимпа” его героем, Передоновым. Его массовые сцены, в роде описания маскарада в общественном клубе, — законченные в себе страницы незаурядной художественной ценности, написанные меткой и смелой рукой, но в их самодовлеющей законченности и роковая для автора обособленность их от того, что составляет центральный момент произведения в целом». Истинное значение романа сделалось понятным только некоторое время спустя.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

«Мелкий бес» радикально изменил судьбу автора: благодаря умело составленному договору с издателем он получал половину чистой прибыли от продажи книги, тираж которой в первые два года перешагнул за десять тысяч экземпляров (число, беспрецедентное для символистской прозы). В ближайшие годы роман был переведен на немецкий, итальянский, английский, испанский, французский и финский языки. Уволенный из Андреевского училища после многих лет беспорочной службы по педагогическому ведомству Сологуб не возвращался более на службу и в дальнейшем существовал исключительно литературным трудом. Главному

герою «Мелкого беса» суждена была долгая жизнь: автор сам переделал роман в одноименную пьесу, которая с успехом шла на московской и провинциальной сцене; в 1916 году по «Мелкому бесу» снимался фильм, но в работе над его сценарием автор участия не принимал. Более того, Передонов появится на обочине еще одного сологубовского романа — «Творимой легенды», причем выяснится, что княгиня Волчанская, протекции которой он ждет в «Мелком бесе» и которую читатель готов признать порождением его горячего разума, все-таки существовала — и именно благодаря ей Передонов был выпущен из сумасшедшего дома и сделал карьеру в губернском правлении.

ЧТО ОЗНАЧАЕТ НАЗВАНИЕ «МЕЛКИЙ БЕС»?

Традиционно сочетание «мелкий бес» употреблялось в составе фразеологизма «рассыпаться мелким бесом» (угождать, льстить, заискивать), в таком контексте оно встречается у Пушкина и Гоголя. По-другому эта формула впервые была использована Лермонтовым в «Сказке для детей»: «То был ли сам великий Сатана / Иль мелкий бес из самых нечиновных». Лермонтов — один из самых важных для Сологуба авторов, а эти строки он цитирует в одной из своих статей, так что данный источник заглавной формулировки бесспорен. Другой, столь же очевидный, — «Бесы» Достоевского, с которым у Сологуба есть и несколько более неочевидных соответствий: например, праздник и маскарад, заканчивающийся пожаром в «Мелком бесе», явно написан с учетом

соответствующих сцен в романе-предшественнике. Более того, в синтетическом образе Передонова есть явные заимствования из облика Ставрогина. С этим отчасти связана и необъяснимая на первом, социально-бытовом уровне романа феноменальная притягательность Передонова в качестве потенциального жениха. Несмотря на своеобразие характера и скромную преподавательскую должность (которая, впрочем, в России 1890-х годов означала довольно значительный гарантированный доход), на его руку и сердце претендуют шесть героинь, описанных по большей части в превосходных тонах, — даже про весьма саркастически нарисованную Варвару говорится: «Тело у нее было прекрасное, как тело у нежной нимфы».

С первых отзывов о романе не прекращалось недоумение по поводу того, какой именно из героев назван «мелким бесом»: чаще всего на эту роль выбирали самого Передонова или его недотыкомку. Но в предисловии ко второму изданию Сологуб недвусмысленно отводит эти версии, перечисляя «мелкого беса» наряду со всеми персонажами, которые могли бы претендовать на эту роль: «Нет, мои милые современники, это о вас я писал мой роман о Мелком бесе и жуткой его Недотыкомке, об Ардалионе и Варваре Передоновых, Павле Володине, Дарье, Людмиле и Валерии Рутливых, Александре Пыльникове и других. О вас». Единственное возможное толкование (притом что этот вопрос не обязан иметь однозначный ответ) состоит в том, что имя это принадлежит аморфному чудовищу, демону, несколько раз появляющемуся на страницах романа и подчиняющему себе волю Передонова в последних главах.

КТО ТАКАЯ НЕДОТЫКОМКА?

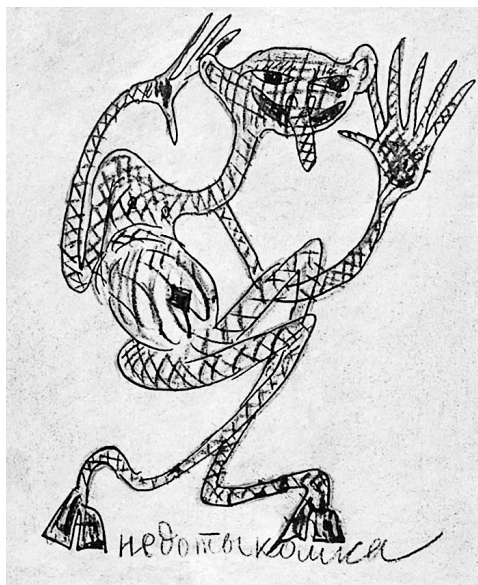
Это слово не придумано Сологубом: еще в 1907 году в рецензии на первое отдельное издание романа Александр Блок, его внимательный читатель, писал: «И вот, на какой-то там странице... появляется странное маленькое существо, называемое *Недотыкомка*. Много и умно говорит о ней критика; Горнфельд пишет о том, что это слово областное, что в толковом словаре оно означает что-то вроде недотроги. Но у Сологуба, как признает и Горнфельд, она обозначает совсем другое. Она бегаёт под стульями, хихикает, появляется и на церковном амвоне, прикидывается тряпкой, лентой, веткой, флагом, тучкой, собачкой...» Впервые Недотыкомка возникает у Сологуба в стихотворении 1899 года, то есть написанном в разгар работы над романом, — и уже там ей приданы основные характеристические черты:

*Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою, —
Помоги мне, таинственный друг!*

Уже тогда, при первой публикации, оно привлекло внимание критики: Дмитрий Философов, друг и соратник Мережковских, в рецензии на сборник Сологуба процитировал его целиком, охарактеризовав как «преисполненное поэзии подлинного кошмара, и прекрасное по форме, стихотворение».

В романе недотыкомка появляется ближе к середине, в двенадцатой главе — и видит ее только Передонов. Это существо неопределенных очертаний: она серая, дымная, иногда синеватая, юркая, умеющая шипеть, позвякивать, смеяться, пищать,

хохотать, визжать и хихикать, стонать и реветь; она издает дурной запах. Образ ее тесно связан с огнем: у нее дымное тело и блестящие огоньками глазки, она вспыхивает золотыми искрами; к концу романа она становится пылающей, наподобие огневого змея славянской демонологии. Характерно здесь не только преобладание слуховых характеристик над визуальными (вероятно, это одна из особенностей передоновогo помещательства), но и сопряжение недотыкомки с центральной для сологубовского макрокосма темой пыли. Передонов обладает способностью (напрямую связанной с его безумием) провидеть неочевидную природу вещей и явлений: «Взгляд или был остановлен на чем-то далеком, или странно блуждал. Казалось, что он постоянно всматривается за предмет. От этого предметы в его глазах раздваивались, млели, мерезжили».

Мстислав Добужинский. Иллюстрация к «Мелкому бесу». 1906–1907 годы

От этого окружающая действительность предстает для него чередой угрожающих фантомов, демонов пыли (что странным образом перекликается с устойчивым мотивом собственной сологубовской лирики). Среди навязчивых страхов Передонова — быть смолотым на мельнице, то есть возвратиться в пыль, как ветхий Адам, — и оттого приехавший в город гимназист по фамилии Пыльников становится для него столь нестерпимым напоминанием.

ГДЕ ПРОИСХОДИТ ДЕЙСТВИЕ РОМАНА?

Город, в котором разворачиваются события «Мелкого беса», ни разу не назван прямо. Вероятно, его типологические черты вобрали опыт десятилетней жизни Сологуба

в трех провинциальных городах — Великих Луках, Крестцах и Вытегре. К эпохе учительства в первом из них относятся и все выявленные на сегодняшний день прототипы героев романа: так, в основу истории Передонова положены факты из биографии Ивана Страхова, преподававшего в Великих Луках в 1890-е годы. Он действительно женился на своей сожительнице, которую выдавал за сестру, но своего многолетнего друга Петра Портнаго, учителя столярного дела, который послужил прототипом Володина, он не убивал — хотя и сошел с ума. При этом в романе немногочисленные встречающиеся топонимы имеют нарочито дистанцирующий от возможных параллелей характер: так, например, ближайший город называется Сафат — это явный библеизм, в Ветхом Завете есть несколько действующих

Город Крестцы. Начало XX века

лиц с таким именем (так же будет называться река в одном из сологубовских рассказов); впрочем, Сафат-река упоминается и в русских былинах (через нее переправляется сила басурманская). В следующей главе будет названа Рубань, откуда привезли Сашу Пыльникова, — это тоже один из регулярных сологубовских топонимов (он появится в романе «Слаще яда»), но и его значение неясно. (NB: не обыгрывается ли тут город Любань, отстоящий недалеко от Крестцов, где в свое время служил Сологуб?) Характерно, что Передонов в своих горячечных мечтах надеется возглавить народное образование именно в этом месте: «Господин инспектор второго района Рубанской губернии, — бормотал он себе под нос, — его высокородие, статский советник Передонов. Вот как! Знай наших! Его превосходительство, господин директор народных училищ Рубанской губернии, действительный статский советник Передонов». Кроме того, в романе упоминается Петербург (где живет княгиня Волчанская) и Париж — где «завелись волшебники да маги». Вероятно, идентификации могло бы помочь тщательное сопоставление деталей изображенного в романе города с реальной топографией знакомых Сологубу мест: так, например, упоминаемая в романе церковь пророка Илии, «построенная еще при царе Михаиле», может восходить к Ильинскому мужскому монастырю в центре Великих Лук, сгоревшему в конце XVI — начале XVII века; в возведенном на его месте Воскресенском храме оставался престол св. пророка Илии. С другой стороны, имя святого, которому посвящена церковь, имеет в романе глубокий символический смысл: на День пророка Илии, покровителя домашнего скота,

принято было (в рамках освящения христианским смыслом языческой традиции) закалывать жертвенное животное — это прямо намекает на совершенное Передоновым убийство, жертвой которого пал его похожий на барашка друг. Что лишний раз подчеркивает распространенный тезис, что в великом произведении нет ничего случайного.

КОГДА ПРОИСХОДИТ ДЕЙСТВИЕ РОМАНА?

Это довольно сложный вопрос, поскольку датирующих подробностей в тексте немного и главная из них, как ни странно, — время публикации «Человека в футляре» Чехова. Адаменко рекомендует прочесть его Передонову и Володину, последний переспрашивает: «Это что же, статья или роман? <...> Это где же помещено?» Адаменко отвечает: «В “Русской мысли”», а брат ее уточняет: «...В майской книжке...» Любопытно, что брат ошибается — в действительности рассказ был опубликован в седьмом, июльском номере журнала за 1898 год. В черновике «Мелкого беса» вместо «Человека в футляре» значились «Мужики» (напечатаны в той же «Русской мысли», в апрельском номере за 1897 год). Несколько раз в романе упоминается, что действие происходит осенью. Одна из многих названных дат — День Ильи-пророка (20 июля): Передонов признаётся городскому голове, что в этот день не был в церкви. Таким образом, можно предположить, что действие «Мелкого беса» разворачивается осенью 1898-го, между началом учебного года (поскольку Володин в одной из первых сцен пересказывает недавний

педагогический эпизод) и первым снегом: в финальной главе упоминаются «палые, истлевающие, темные листья» и «голые деревья».

ЕСТЬ ЛИ В РОМАНЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ГЕРОИ?

Безусловно, причем как минимум двух типов. С одной стороны, это изображенная слегка картонно барышня Адаменко — типичный резонер из позитивистского романа конца XIX века: читательница Чехова, живо интересующаяся постановкой учебного дела в училище и гимназии. Гораздо любопытнее двое других персонажей, олицетворяющих побочную для главного действия, но принципиальную для автора сюжетную линию, — Саша

Пыльников и Людмила Рутилова. В истории их сближения (которое в черновиках было значительно менее безгрешным, чем в итоговом тексте) есть детали, напоминающие искушенному читателю XXI века о набоковской «Лолите»: Людмила, объясняя сестрам свою внезапную страсть, говорит: «Самый лучший возраст для мальчиков... четырнадцать-пятнадцать лет. Еще он ничего не может и не понимает настоящему, а уж все предчувствует, решительно все». Объект ее увлечения показан демонстративно андрогинным — не случайно Передонов, с его звериным чутьем, настаивает, что Пыльников — переодетая девочка. Людмила наряжает его в женское платье и умащает благовониями, чтобы все вывести их отношения из сферы пола, очистить от современной грязи: «Обожанием были согреты Людмилины поцелуи,

Павел Ковалевский. Порка. 1880 год

и уже словно не мальчика, словно отрока-бога лобзали ее горячие губы в трепетном и таинственном служении расцветающей Плоти» (вовсе забыть о современности не дают Людмилины сестры, подглядывающие в замочную скважину за этой сценой). Апофеоз этого сюжета — маскарад в общественном собрании, заканчивающийся масштабной реконструкцией древних вакханалий — когда разгоряченные горожане пытаются растерзать наряженного гейшей Сашу и ему чудом удается ускользнуть благодаря вмешательству волшебного помощника, актера Бенгальского.

ПОЧЕМУ В РОМАНЕ ТАК МНОГО РОЗОГ?

Тема телесных наказаний — одна из ключевых для «Мелкого беса»; среди подготовительных материалов к нему сохранилось несколько карточек, заполненных синонимическими фразеологизмами: «Задницу в кровь. Пропутешествовать в Нидерланды. Поговорить с няней Розалией. Починить задницу. Проучить, прошколить розгами. Заднего ума прибавить. Посмотреть под рубашку. Блох поугатать. Угостить, накормить, попотчевать березовой кашей, лапшой», etc. В «Мелком бесе» происходит непрерывный круговорот насилия, сконцентрированного прежде всего вокруг главного героя, причем он редко сам берет в руки розги, но чаще уговаривает родителей или опекунов наказывать гимназистов. Телесные наказания в романе связаны зачастую

с тяжеловесной сологубовской эротикой: так, совместные приготовления Передонова и жены нотариуса Гудаевского к наказанию сына последней обставлены как любовное свидание: «От Юлии веяло жаром, и вся она была жаркая, сухая, как лучина. Она иногда хватала Передонова за рукав, и от этих быстрых сухих прикосновений словно быстрые сухие огоньки пробегали по всему его телу. Тихохонько, на цыпочках прошли они по коридору, мимо нескольких запертых дверей, и остановились у последней, — у двери в детскую». Эротические коннотации телесных наказаний, своеобразная сологубовская алголагния*¹, были еще более явственны в черновых сценах романа, отброшенных при подготовке к публикации: так, в ранней версии Передонов вместе с прислугой Клавдией вдвоем секли Варвару, гимназист Владя (которому не удалось избежать розог и в беловике) стегал свою старшую сестру Марту, две соседки наказывали Варвару крапивой — и так далее.

Истоки этой темы находятся в биографии писателя, который с детских лет подвергался болезненным наказаниям со стороны властной и жестокой матери. Его ранняя лирика (до последнего времени оставшаяся ненапечатанной) — бесконечная череда рифмованных жалоб на несправедливую порку:

*И на розги гляжу я без страха:
Обломавшись, они замолчали,
И на мне уже снова рубаха,
И рыданья мои отзывали.*

^{*1} Получение сексуального удовольствия от причинения боли половому партнеру или от боли, которую причиняет партнер. Термин предложен немецким врачом Альбертом фон Шренк-Нотцингом в 1892 году. Он разделял алголагнию на активную (садизм) и пассивную (мазохизм).

Процитированные строки написаны в 1891 году, когда автору было двадцать восемь лет: он работал учителем, жил вместе с матерью — и до этих пор бывал наказан за малейшую, а то и мнимую провинность. Из писем его к сестре видно, как рождается круговорот насилия, позже тщательно перенесенный им в роман: «В понедельник собрался идти к Сабурову, но так как далеко и я опять боялся расцарапаться, да и было грязно, то я хотел обуться. Мама не позволила, я сказал, что коли так, то я и не пойду, потому что в темноте по грязи неудобно босиком. Маменька рассердилась и пре- больно высекла меня розгами, после сего я уже не смел упрямитесь и пошел босой. Пришел я к Сабурову в плохом настроении, припомнил все его неисправности и наказал его розгами очень крепко, а тетке, у которой он живет, дал две пощечины за потворство и строго приказал ей сечь его почаще» (Сабуров — один из его учеников). Домашнее и школьное насилие регулярно встречается и в прозе Сологуба, порождая череду его специфических героев, «тихих» или «белых» мальчиков. Вообще тема телесных наказаний — одна из ключевых для русской бытописательной литературы середины — второй половины XIX века: розги, формально изъятые из педагогической практики в 1864 году, в действительности оставались в обиходе еще долгие десятилетия.

ЭТИ СТРАННЫЕ КОТЫ — НЕ ОБОРОТНИ ЛИ?

Зыбкость мира, изображенного в романе, накладывает специфические черты на многие появляющиеся там сущности. Передонов, в частности, боится за свой

онтологический статус, настойчиво подозревая, что его отравят и подменят Володиным, который женится на Варваре и займет выхлопотанное ею место. Фантомна княгиня Волчанская, фамилия которой не зря созвучна волку, традиционному обличью оборотней: до последнего момента она присутствует в романе только в упоминаниях — но уже к последним главам, когда общий градус безумия нарастает, она появляется в воображении Передонова: «...в ярком и злом смятении искр поднялась из огня княгиня, маленькая, пепельно-серая женщина, вся осыпанная потухающими огоньками: она пронзительно вопила тонким голоском, шипела и плевала на огонь». (Вся линия княгини, с постоянно поддерживаемой темой ее ветхого сладострастия, восходит к соответствующим эпизодам из «Пиковой дамы» — не случайно Передонов бормочет в бреду: «Пиковая дама все ко мне лезет, в тиковом капоте».) Особенно склонны к трансфигурации животные — полупрозрачная змея, поднимающаяся из дорожной пыли или глаз-птица: «один глаз и два крыла, а больше ничего и нету». Но первое место среди них занимают коты.

«Толстый, белый, некрасивый» кот живет в доме Передонова и служит ему объектом бесконечных издевательств — тот гладит его против шерсти, дует в глаза, дергает за хвост. Но со временем жертва сама становится охотником — и в какой-то момент, приняв человеческий облик, заявляется к Передоновым: «Среди гостей был один, с рыжими усами, молодой человек, которого даже и не знал Передонов. Необычайно похож на кота. Не их ли это кот обернулся человеком? Недаром этот

молодой человек все фыркает, — не забыл кошачьих ухваток». Подозревая, что его магические способности кроются в шерсти, Передонов, взяв кота на поводок, ведет в цирюльню, чтобы обрить его наголо, но парикмахер обиженно отказывается. С этих минут кот преследует бывшего хозяина почти постоянно: «Иногда он подмигивал, иногда страшно мяукал. Видно было сразу, что он хочет подловить

в чем-то Передонова, да только не может, и потому злится». Не оставляя его в преображенном галлюцинациями мире, он мстит ему и в природном, и в человеческом виде: «Кот вырос до страшных размеров, стучал сапогами и прикидывался рыжим рослым усачом». В финальной сцене кот, явившийся в горницу в момент убийства Володиной, нюхает пролившуюся кровь и злобно мяукает.

Мелкий бес

Предисловие автора ко второму изданию

Роман «Мелкий бес» начат в 1892 году, окончен в 1902 году. Первый раз напечатан в журнале «Вопросы жизни» за 1905 год, №№ 6–11, но без последних глав. В полном виде роман появился первый раз в издании «Шиповника» в марте 1907 года.

В печатных отзывах и в устных, которые мне пришлось выслушать, я заметил два противоположные мнения.

Одни думают, что автор, будучи очень плохим человеком, пожелал дать свой портрет и изобразил себя в образе учителя Передонова. Вследствие своей искренности автор не пожелал ничем себя оправдать и прикрасить и потому размазал свой лик самыми черными красками. Совершил он это удивительное предприятие для того, чтобы взойти на некую Голгофу и там для чего-то пострадать. Получился роман интересный и безопасный.

Интересный потому, что из него видно, какие на свете бывают нехорошие люди. Безопасный потому, что читатель может сказать: «Это не про меня писано».

Другие, не столь жестокие к автору, думают, что изображенная в романе передоновщина — явление довольно распространенное.

Некоторые думают даже, что каждый из нас, внимательно в себя всмотревшись, найдет в себе несомненные черты Передонова.

Из этих двух мнений я отдаю предпочтение тому, которое для меня более приятно, а именно второму. Я не был поставлен в необходимость сочинять и выдумывать из себя; все анекдотическое, бытовое и психологическое в моем романе основано на очень точных наблюдениях, и я имел для моего романа достаточно «натуры» вокруг себя. И если работа над романом была столь продолжительна, то лишь для того, чтобы случайное возвести к необходимому, чтобы там, где царствовала рассыпающаяся анекдоты Айса, воцарилась строгая Ананке.

Правда, люди любят, чтобы их любили. Им нравится, чтоб изображались возвышенные и благородные стороны души. Даже и в злодеях им хочется видеть проблески блага, «искру Божию», как выражались в старину. Потому им не верится, когда перед ними стоит изображение верное, точное, мрачное, злое. Хочется сказать:

— Это он о себе.

Нет, мои милые современники, это о вас я писал мой роман о Мелком бесе и жуткой его Недотыкомке, об Ардалионе и Варваре Передоновых, Павле Володине, Дарье, Людмиле и Валерии Рутиловых, Александре Пыльникове и других. О вас.

Этот роман — зеркало, сделанное искусно. Я шлифовал его долго, работая над ним усердно.

Ровна поверхность моего зеркала, и чист его состав. Многократно измеренное и тщательно проверенное, оно не имеет никакой кривизны.

Уродливое и прекрасное отражаются в нем одинаково точно.

Январь 1908 года

Предисловие к пятому изданию

Мне казалось когда-то, что карьера Передонова закончена и что уж не выйти ему из психиатрической лечебницы, куда его поместили после того, как он зарезал Володина. Но в последнее время до меня стали доходить слухи о том, что умоповреждение Передонова оказалось временным и не помешало ему через некоторое время очутиться на свободе, — слухи, конечно, мало вероятные. Я упоминаю о них только потому, что в наши дни и невероятное случается. Я даже прочитал в одной газете, что я собираюсь написать вторую часть «Мелкого беса».

Я слышал, будто бы Варваре удалось убедить кого-то, что Передонов имел основание поступить так, как он поступил, — что Володин не раз произносил возмутительные слова и обнаруживал возмутительные намерения, — и что перед своею смертью он сказал нечто неслыханно-дерзкое, что и повлекло роковую развязку. Этим рассказом Варвара, говорили мне, заинтересовала княгиню Волчанскую, и княгиня, которая раньше все забывала замолвить слово за Передонова, теперь будто бы приняла живое участие в его судьбе.

Что было с Передоновым по выходе его из лечебницы, об этом мои сведения неясны и противоречивы. Одни мне говорили, что Передонов поступил на службу в полицию, как ему и советовал Скучаев, и был советником губернского правления. Чем-то отличился в этой должности и делает хорошую карьеру.

От других же я слышал, что в полиции служил не Ардальон Борисович, а другой Передонов, родственник нашего. Самому же Ардальону Борисовичу на службу поступить не удалось или не захотелось; он занялся литературною критикою. В статьях его сказываются те черты, которые отличали его и раньше.

Этот слух кажется мне еще неправдоподобнее первого.

Впрочем, если мне удастся получить точные сведения о позднейшей деятельности Передонова, я расскажу об этом достаточно подробно.

(Август 1909 г.)

Диалог

(к седьмому изданию)

- Душа моя, чем ты так смущена?
  - Ненавистью, которая окружает имя автора «Мелкого беса».
- Многие, такие различные в остальном, сошлись в этом.
- Прими смиренно злость и брань.
  - Но разве этот наш труд не достоин того, чтобы нас благодарили? Откуда же ненависть?
  - Эта ненависть подобна испугу. Ты слишком громко будишь совесть, ты слишком откровенна.
  - Но разве нет пользы в моей правдивости?
  - Ты ждешь комплиментов! Но ведь здесь не Париж.
  - О, да, не Париж!
  - Ты, душа моя, истинная парижанка, дитя европейской цивилизации. Ты пришла в нарядном платье и в легких сандалиях туда, где носят косоворотки и смазные сапоги. Не удивляйся же тому, что смазной сапог порою грубо наступит на твою нежную ногу. Его обладатель — честный мальй.
  - Но такой угрюмый! И такой неловкий!

Май 1913

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru